

Кошки и собаки вдруг оказались втянуты в политику. Разумеется, они тут же разошлись по разные стороны баррикад.

Окончательное размежевание обозначил выход на политическую арену черного хамовнического ротвейлера. «Уберите собаку», — кричала адвокат Виолетта Волкова. «Молодец, собака», — говорила судья Сырова. «На здании суда написано, что входить с животными нельзя», — протестовал адвокат Полозов. Почти цитируя булгаковскую кондукторшу — «С котами нельзя!».

Службист, приставленный к собаке, оппонировал адвокатам и судье, пояснив: «Это не животное, это спецсредство. И он при исполнении». Сказав это, пристав неожиданно выступил последователем Декарта, уподоблявшего псов «машинам, созданным богом». Политолог Глеб Павловский написал в «Фейсбуке»: «Культ пса в нашей государственности требует отдельного рассмотрения». О псах, служащих российской государственности, еще напишут тома, но можно черкнуть на полях будущей монографии, не претендуя на окончательность выводов.

Для начала: я видела ту собаку в суде. Черная, в сбруе, отчего-то напоминающей кобурю ее хозяина, нервная, клыкастая, вертлявая. Мы стояли в метре друг от друга. Точнее, стояла я, а собака перебирала лапами, пытаясь дотянуться. Ее поводь (спецназовец? пристав? охранник?) отворачивал собачью пасть от моих коленок. Пришла буфетчица, заохала, сердобольная: а я ей костей насобираю, что ж ты раньше не привел? То есть знакомы они были не первый день. Собака потянулась мордой к ногам буфетчицы. Спецназовец опять предотвратил. Собака задергалась. Стало даже жалко хамовнического ротвейлера. Вдруг он лаял на судебном заседании не от злости, а протестуя против жестокости декартовского подхода единственно доступным ему способом: все живое хочет двигаться и есть. А разумное живое — еще и думать.

Собака на процессе против рассерженных Pussy — это, конечно, символическая деталь. Лучше всего с такими тонкими материями работают художники. Китайский мульт о пиаре отмечен гротескным символизмом: три кошки заходят в камеру и превращаются в девушек (расхожая цитата из мистических фильмов), пикетчики с плакатами «Free Pussy Riot» выходят в балаклавах с кошачьими ушками. Противостоит семейству протестующих кошачьих здоровенный медведь в ушанке. Тут, конечно, китайцы напортачили, пошли за стереотипом. Если бы они глубже знали российскую историю, то нарядили бы в ушанки собак. Собака-охранник, собака-вохровец, собака-опричник — символы исторических периодов, через которые Россия вопреки хронологии проходит уже не в первый раз. С другой стороны, собака могла бы вызвать неполиткорректные ассоциации с недавним даром японцев Путину — щенком акита-ину.

Писатель Дмитрий Быков, комментируя дарение щенка Владимиру Путину, предположил, что президент любит собак, потому что самое дефицитное качество во власти — верность.

Верность всегда была важным управленческим ресурсом путинской эпохи. Хороший назначенец — верный хозяйский пес. Сейчас элита проходит самое суровое испытание на лояльность: путинский консенсус уже похоронен, но власть по-прежнему носит его имя. Еще одна собака в такой ситуации не повредит точно. К тому же акита очень милая. Улыбается. Подаренная в начале нового президентского срока, она может сослужить хозяину хорошую службу. Как и лабрадор Кони.

Кони ведь очень политическое животное. Родилась в 99-м, когда Ельцин назвал имя преемника. Подарена Путину в 2000, когда он был избран президентом. Кони практически ровесница путинизма. В 2003 году — в день парламентских выборов в России — родила щенков.

Ровно в тот день, когда «Единая Россия» выиграла выборы и вместе с одномандатниками получила конституционное большинство в парламенте. В некотором художественном смысле, депутаты той Думы — дети Кони. Подгадать такое невозможно, разве что в сомнительной теории машины. Но если собака и машина, то созданная Богом. Так через Кони проявилась воля высших сил.

Что получилось дальше? А дальше власть на время перешла к владельцу кота Дорофея Дмитрию Медведеву. Надо ли объяснять, что владельцы кошек и собак — совершенно разные люди. Как правильно сказал тот же Быков: для собаки хозяин — Бог, потому что он кормит ее. Хозяину кошки предлагается совершенно иная картина мира: ты кормишь меня, потому что я Бог.

Бог из кота Дорофея получился не очень убедительный — подрался с котом Горбачева, был ранен, долго лечился. Дорофеем в отличие от Кони не помог своему хозяину в создании президентского образа, скорее, помешал. Трудно сказать, помешал бы кот Медведеву, если бы тот решился действовать как полномостный глава государства, но, как бы то ни было, все закончилось анекдотической историей про побег нервического Дорофея из резиденции. Незадолго до финала президентства самого Медведева. История темная, официально не подтвержденная, мы никогда не узнаем всех деталей — спал ли кот Дорофеем, когда его искали всей страной, прятался ли в укромном уголке, когда его звали (как звали его хозяина на второй срок), или убежал, чтобы ничего не решать? Бог весть. И, тем не менее,

характерно, что временную либерализацию символизировал президент с котом. Ровно такую либерализацию, половинчатую, ускользающую, то ли сбежавшую, то ли потерявшуюся где-то в коридорах власти.

Кстати, после побега Дорофея в «Твиттере» стал популярен `navalny_cat`, кот Навального. Не знаю, есть ли кот у Навального, но, даже если и нет, не имеет никакого значения. Либерала в сложившейся политической семантике символизирует кот.

Кот появляется всякий раз, когда речь заходит о мягком, личном, вольном, буржуазном, обывательском. То есть о том, что у нас проходит по ведомству либерализма. Например, известны фотографии позднего и ослабевшего Ленина с котом. И, напротив, собака

ассоциируется со Сталиным. Есть легенда о собаке вождя, которую выводили специально для охраны заключенных. Разумеется, требовалась черная, злобная и выносливая собака. Русский черный терьер с немецкими корнями появился на свет уже после смерти вождя, и якобы он и есть та самая сталинская собака, идеальный убийца врагов народа.

У относительно либерального Брежнева был, по легенде, черный кот, подаренный далай-ламой и обладавший даром предвидения. Тут важна не реальность, а именно миф. Собаки тоже были, хотя генсек их не особенно жаловал. И дело ведь не в составе зверинца, а в симпатиях лидера. Для мягкого, растекающегося Брежнева эмблематичен именно кот. Как и для Горбачева, и Медведева. А вот у Ельцина не было ни котиков, ни собак. Возможно, поэтому его историческая роль так неоднозначна.

За время либерального кота Дорофея многие почувствовали себя свободнее (распустились, как сказали бы любители гарнизонного порядка, где даже псы ходят строем). Независимость, свобода и достоинство — очень кошачьи черты. Интернет спасается котиками: оппозиционер в тяжелый период арестов, обысков и допросов утешается перепостами милых картинок. Потому что где котик в плетеной корзинке, а где ОМОН с собаками. Кошачий образ и облик оппонирует на смысловом и визуальном уровне жесткости, нажиму, решетке, наручникам. Котики, кошки, киски в этом раскладе отвечают за домашнее, женское, уютное, мирное в пику мужскому, агрессивному, наступательному, рвущемуся с поводка.

Обратимся к мифологии для доказательства нашей спекулятивной теории.

Коты и собаки широко представлены в мифах и верованиях народов мира, и подробное описание их сакральных ролей потянет на пару библиотечных полок. Поэтому мы съездим только в Древний Египет. Египтяне почитали богиню Бастет (Баст), покровительницу материнства и плодородия, существо с телом женщины и головой кошки. Египтяне чествовали свою женщину-кошку-богиню, кошек не обижали, почитали, охраняли, мумифицировали и хоронили. Да что говорить, если сам бог Ра превращался в кота, чтобы драться со змеем Апопом, воплощением зла и хаоса.

Собака тоже была священным животным, но все же занимала не такое козырное положение. Она проходила по ведомству караульной службы, охраны, посмертного суда и потустороннего: бог мертвых Анубис с телом человека и собачьей (шакальей) головой охранял загробный мир, сопровождал души усопших, сторожил и охранял богов. Бог войны Сет тоже имел голову пса. Египтяне знали толк в семантике.

Собаки в культуре разных народов оказывались рядом с потусторонним и трансцендентным — всегда рядом с мертвыми, у переправы на тот свет, на грани света и тьмы. Исполнители божественной воли и одновременно слуги зла.

Собаки, кстати, и воевали в древности. Желающие могут обратиться к историческим документам и книгам и прочесть, например, про боевых мастифоподобных собак Александра Македонского.

Заслуги собак в построении государственности разных народов велики и широко известны. С кошками история сложнее. В средневековой католической Европе кошек считали пособниками ведьм, казнили разными способами за контакты с нечистой силой. Православие с кошками не воевало. Они даже жили в церквях, чтобы пугать мышей.

В истории российской государственности кошки до сих пор не играли никакой особой роли. В отличие от собак. И война, которая разворачивается сейчас между черными псами и разноцветными кошками, знаменует одновременно и запрос на трансформацию государственности, и направление трансформации (в смерть или в жизнь), и болезненность, связанную с осознанием необходимости выбора.

Образ пса появляется на исторической российской сцене во времена Ивана Грозного. И появление это зловеще — собачья голова, притороченная к седлу опричника. Царь Иван, который, как теперь понятно, смотрел в будущее аж до XXI века, нарисовал нам собачью перспективу. Тот же «развилочный» кризис не был пройден, но был проигнорирован. Претензии элитариев («кошечек») на власть царь снял особым образом — призвав «собачек». Авторитаризм был спасен, опыт Грозного по созданию новой элиты из спецслужб оказался полезен всем будущим русским тиранам, а обществу была нанесена травма, не излеченная до сих пор.

Собака символизирует эту опричную травму. Пес смердящий, пес злобесный тут сам Грозный, рядом верный пес Малюта, с ним псы-опричники. Отождествление с псом имеет много смыслов: он символ божественной кары для грешников-изменников, приходящей в образе библейского пса (царь Иоанн был богослов не хуже Чаплина), способ самоосквернения опричников, один из изводов юродства, орудие устрашения (владеющий головой владеет и душой умершего) и воплощение дьявола, приходящего в образе собаки. Опричники — ангелы ада и смерти, вершащие свою собачью работу во славу Божию и царскую. Со времен Грозного Бог и царь сближаются до полного тождества. Но одной символикой дело не обошлось: царь Иван отдавал людей на растерзание не адовым и не библейским, а вполне реальным псам. Российская историография, затем советская делала в этом месте головокружительный кульбит, воспаряя от окровавленной собачьей пасти к величию госстроительства. Тот же прием освоили постсоветские идеологи евразийства: у них песья голова, притороченная к седлу опричника, глядит прямо в небо, где миссия, Господь и величие России.

Следующий акт драмы с участием собак разворачивается уже только при Сталине. Начинается, конечно, с 17-го. Октябрь перевернул социальную пирамиду — вознес Шариковых и опустил Преображенских. Булгаков объясняет в «Собачьем сердце», почему пес лучше Клима Чугункина. Но в итоге социальной селекции Шарики поступают в распоряжение к Климу из очистки. Очистка случилась масштабная.

Власти потребовалось очень много псов. Большинство из них работали в ГУЛАГе. «75% — охрана лагерей, 10% — погранвойска, 8% — вневедомственная охрана, 5% — уголовный розыск, 2% — контрразведка», — пишет кинолог Владимир Круковер. У него можно почитать о подготовке гулаговских собак: «Их дрессура не отличалась оригинальностью, возможность притравливать псов на живых людях использовалась

энкавэдэшниками задолго до фашистов. Собаки, охраняющие зэков, всегда ориентированы на один запах. Любой зэк в любом лагере пахнет специфически». Параллель с нацизмом возникает не вдруг: подготовка собак как орудия убийства и живого спецсредства в НКВД и СС велась по схожим методикам.

Рвущиеся с поводков собаки, загоняющие людей в камеры Освенцима и на гулаговскую зону, — хрестоматийный образ тоталитаризма, превращавшего людей в зверье.

У Георгия Вадимова есть рассказ «Верный Руслан», где лагерная собака, обученная убивать, оказывается лучше человека. Вохра заливает водой бараки заключенных, чтобы выгнать их, обессиленных, на работу, но даже псы-охранники не выдерживают, разгрызают в ярости шланг, устроив, таким образом собачий бунт. И это максимальная точка собачьего очеловечения, когда псы становятся вдруг людьми, занимая место вохры, утратившей человеческий облик. Но лагерная собака не умеет и не хочет ничего другого, кроме как служить в лагере. Мир лагеря прост последней простотой: там есть только Хозяин, собаки-слуги и зэки. Многообразия кошечек в нем не предусмотрено. Вадимов так описывает собачью радость Службы: «Восторг повиновения, стремительный яростный разбег, обманные прыжки из стороны в сторону — и враг мечется, не знает, бежать ему или защищаться. И вот последний прыжок, лапами на грудь, валит его навзничь, и ты с ним вместе падаешь, рычишь неистово над искажённым его лицом, но берёшь только руку, только правую, где что-нибудь зажато, и держишь её, держишь, слыша, как он кричит и бьётся, и густая тёплая одуряющая влага тебе заливает пасть, покуда хозяин силою не оттащит за ошейник». Это ведь только человек умеет — научить пса своей службистской радости.

В 60-е Белка и Стрелка реабилитировали собачье племя. Собаки в космосе сняли грех с лагерной российской государственности. Грех был прощен, но не раскаян.

И все вернулось. Мы опустились на несколько эволюционных ступеней вниз — слушаем лай черного ротвейлера из ада и выступления имперцев-собаководов. А американцы тем временем улетают на Марс. Кстати, первым они туда высадили — конечно! — мультипликационного кота Тома.

Вот такой простой теперь у россиян выбор — или слушаться псов, сорвавшихся с цепи, или поддерживать кошечек модернизации, демократизации и секуляризации.